

Рецензия

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/98/26

**Рецензия: Нефёдов С.А. История Российской империи: факторный анализ.
Ереван: Fortis Press, 2024. 610 с.**

Сергей Иванович Толстов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, shpakras@mail.ru

Аннотация. Дается рецензия на монографию, в которой автор задается целью «шаг за шагом проследить основные моменты истории России с тем, чтобы найти объяснение происходивших событий в рамках современных социологических теорий». Книга – востребованная реакция на потребность понимания нашей имперской истории. Сделано это убедительно, в максимальном приближении прошлого к тому, как оно было на самом деле. В этой связи рецензент полагает, что данное фундаментальное исследование необходимо учесть при разработке цивилизационной теории развития нашего государства.

Ключевые слова: Российская империя, факторный анализ, монография, государство-цивилизация

Для цитирования: Толстов С.И. Рецензия: Нефёдов С.А. История Российской империи: факторный анализ. Ереван: Fortis Press, 2024. 610 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 208–213. doi: 10.17223/19988613/98/26

Book review

**Nefedov S.A. Review: The History of Russian Empire: factor analysis.
Yerevan: Fortis Press, 2024. 610 p.**

Sergey I. Tolstov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, shpakras@mail.ru

Abstract. The review examines the monograph by the modern historian Sergei A. Nefedov, in which he sets an ambitious goal to "trace the main points of the history of the Russian Empire step by step in order to find an explanation of the events that took place within the framework of modern sociological theories." The researcher conscientiously took advantage of the achievements of the thinkers of his predecessors, regardless of "nationality". Being an expert on Russian history, he identified the factors that determined the history of the Russian Empire and which had not been used by historians in combination until now, namely demographic, technological and geographical. This three-factor model was verified by specific historical material in accordance with chronology.

In the context of demographic and structural cycles, such phenomena as turning into serfs, colonization of the outskirts, absolutism and other functionally necessary conditions are perceived as natural. The Russian intelligentsia appeared as a Russian evolutionary and revolutionary phenomenon. The cross-cutting idea of the book is the idea of the people as a historical actor. The concept of the people is identified with the peasantry. The author associates himself with the concept of the peasant nature of the revolutionary events of the early 20th century. However, the peasantry as an independent driving force is not sufficiently analyzed.

Imperial Russia has already been thoroughly studied in historiography at the level of special topics, and an understanding of how it really was is easily formed. It is the lot of desperate historians to "stitch together" a complete picture of the past from the entire volume of research material, not a patchwork or tendentious one. S.A. Nefedov did it convincingly. Although the book does not contain arguments about the civilizational view of the history of Russia, but explaining the historical process by objective laws, it makes a significant contextual contribution to its civilizational understanding. The past is shown as a historical experience, therefore, research must necessarily be taken into account when developing a theory about Russia as a state-civilization.

Keywords: Russian Empire, factor analysis, monograph, state-civilization

For citation: Tolstov, S.I. (2025) Nefedov S.A. Review: The History of Russian Empire: factor analysis. Yerevan: Fortis Press, 2024. 610 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 98. pp. 208–213. doi: 10.17223/19988613/98/26

Современная Россия уже осознанно и на политическом уровне категорически самоопределилась в том, что у нее нет иной исторической перспективы существования и развития, кроме как в виде самобытного государства-цивилизации. В постсоветский период исподволь воспроизвелась логика цивилизационной особенности России, которая в свое время констатировалась дореволюционными мыслителями Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым и которая своеобразно воплощалась практикой построения социализма и коммунизма в СССР. Состояние государства-крепости оказалось необходимым и естественным в контексте глобального исторического развития. В рамках рассмотрения истории России в контексте мировых цивилизаций до 2022 г. вполне убедительной представлялась концепция перманентного догоняющего Запад исторического развития России. Хорошо проработанная теория периодических модернизаций в отношении прошлого России казалась исчерпывающей в смысле объяснения прошлого страны. Однако данный теоретический подход сегодня с очевидностью обнаруживает свою концептуальную ограниченность с точки зрения понимания дальнейшего развития современной России. На поверку оказалось, что догонять РФ сейчас некого, и, как следствие, определение самостоятельной перспективы становится актуальной научной повесткой обществоведов. Роль историков в этом деле безальтернативно является первостепенной, ибо сначала надо по-настоящему объяснить, как так исторически получилось. Ну, непродуктивен – если не контрпродуктивен – линейный взгляд марксистского или либерального толка на историю России. Между тем историческая наука в части обобщающих исследований застряла именно в таком историографическом сценарии.

История как область знания, как научная дисциплина, да и просто как творческий нарратив является инструментом управления людьми, обществом, государством. Научно-историческое знание должно обладать определенными потребительскими свойствами, соответствующими запросам текущего времени, выявлять причинно-следственные связи, на основе которых формируется образ будущего, и пути-способы его достижения. Отечественная историография, начиная с Нестора, худо-бедно в этой связи была и остается функциональной. Не всегда, быть может, прошлое становилось историческим опытом, страхующим от знатных ошибок государственного управления, вследствие чего наступала общественная рефлексия, адресующая историкам запрос на объяснение происхождения жизненных проблем. Как правило, историки справлялись с этой задачей, только толку от этого было мало, так как про историков, «умных задним числом», в горячности текущих дел забывали, и в конечном итоге их объясняющие модели не пригождались. Со времен Ф.И. Тютчева до сих пор в массе своей принято почитать безнадежным делом попытки умом Россию понимать. Может, оно и резонно – оставаться в романтической загадочности, размышляя о прошлом и настоящем России, вместо того чтобы «городить огород» из искренних глупостей и ангажированных заблуждений, если не наваждений, но только это не должно касаться по-

настоящему профессиональных историков. Все-таки профессия обязывает не только объяснять исторический процесс, но и подавать его для «вершащих судьбы» страны» в виде уроков, которые нужно выучить, чтобы, согласно афоризму классика отечественной историографии В.О. Ключевского, в очередной раз не подвергнуть страну наказанию.

В связи с заявленной фундаментальной проблемной ситуацией нельзя оставить без внимания исследовательскую попытку маститого современного историка Сергея Александровича Нефёдова, который уже в первых строках своей книги «История Российской империи: факторный анализ» солидаризируется с историками «многих поколений», начиная с Геродота и Фукидида, в том, что должный императив исторического научного знания – «...обобщить исторический материал и вывести общие закономерности описываемых событий» [1. С. 9], и задается целью «шаг за шагом проследить основные моменты истории Российской империи с тем, чтобы найти объяснение происшедших событий в рамках современных социологических теорий» [1. С. 10]. Сразу же заметим: книга настолько богата впечатляющими наблюдениями, что сформулированная еще в одном варианте конечная цель – «выяснить, достаточно ли этих факторов (демографический, технологический и географический. – С.Т.) для объяснения основных моментов развития России, и ответить на вопрос: можем ли мы на сегодняшнем уровне знаний объяснить российскую историю?» [1. С. 11] – нечаянно кажется второстепенной или же излишне скромной. Пересказать и основательно проанализировать в краткой рецензии увидевшее свет в 2024 г. фундаментальное исследование вряд ли возможно, да и ненужно, ибо издание для заинтересованного читателя доступно. Представляется достаточным ограничиться собственными эмоционально-смысловыми предпочтениями, которые побуждают рекомендовать труд историка к учету в разработке теории истории России как государства-цивилизации. Кстати, теория, без которой, как известно, нам смерть, до сих пор не разработана. Теоретическая версия, что России свойственно периодически оказываться в состоянии догоняющих модернизаций, как уже отмечено, «хромает» с точки зрения определения перспективы развития современной России. На очередном переломном этапе нашей истории (*но ведь так оно и есть!*) этот исторический труд вносит очень весомый вклад в чрезвычайно важное, хоть и весьма непростое, дело: потребность среди профессионального сообщества историков в объяснении истории Имперской России сквозь призму цивилизационного подхода нарастает по экспоненте, и настоятельно требуется максимально адекватное удовлетворение этой потребности.

Исследователь, по существу, отнимает у многих историков полюбившуюся в последние десятилетия игрушку – плач по России, которую мы якобы потеряли. Делается это посредством использования такой исторической оптики, которая не умножает мифы, но приближает воспроизведение и понимание истории родной страны к исторической действительности. Претензия автора на убедительное объяснение общего

хода исторического процесса России привлекательна, поскольку она отважна и амбициозна. С.А. Нефёдов сознательно идет на отступление от безопасной в научно-репутационном отношении позиции – считаться «конкретным» специалистом-историком. Риск зайти на «чужую поляну», которая давно монополизирована зарубежной и общающейся с ней нашей либеральной историографией, – благородное дело.

Сама по себе заявка на убедительное и полезное в управленческом отношении объяснение истории посредством факторного анализа требует концептуально осмысления при наличии адекватного методологического инструментария. К примеру, катастрофический финал императорской России может быть продуктивно объяснен только на прочной теоретической основе, которая соответствовала бы сложности задачи такого объяснения. Каким же все-таки был движущий механизм исторического процесса императорской России, который «заклинил» в 1917 г.? Как видит и описывает его С.А. Нефёдов? Надо сказать, исследователь не стал оригинальничать – сочинять что-то свое, а внимательно и добросовестно воспользовался достижениями мыслителей-предшественников независимо от «национальной принадлежности». Будучи знатоком отечественной истории, а об этом свидетельствует прилагаемый к книге список литературы и опубликованных источников, он эмпирически-интуитивно определился с теми факторами, что, с его точки зрения, детерминировали трехсотлетний исторический процесс России. Рассматривая их совокупность, иерархию и взаимодействие на разных этапах этого процесса (а этапы эти аналитически выявляются достаточно отчетливо), он верифицировал обширный исторический материал на предмет выявления закономерностей исторического развития страны.

Закономерными автору представляются революции 1917 года. «Однако, – пишет он, – несостоятельность марксистской трактовки этих закономерностей привела к утрате веры в существование каких-либо закономерностей вообще» [1. С. 417]. В связи с данной принципиальной методологической проблемой будет уместным пространно сослаться на умозаключение авторитетного советского и российского историка-методолога Б.Г. Могильницкого. Он утверждал, что «изучение исторической деятельности будет плодотворным лишь при условии его органичной связи с выявлением закономерностей общественного развития. Иначе история представляла бы хаотичное нагромождение более или менее случайных фактов, соединенных в историческом повествовании в некоторую систему на основании тех или иных субъективных соображений. Только признание закономерного характера общественного развития и выяснение конкретных исторических закономерностей, в рамках которых осуществляется деятельность людей и которые складываются в ходе этой деятельности, составляют необходимое условие действительного научного изучения истории» [2. С. 33].

Итак, под историческими закономерностями следует понимать вероятностную предопределенность социально-экономического и политического поведения людей под воздействием определенных существенных

факторов, которые автор называет еще движущими силами истории [1. С. 11]. Современная историософская теория уже располагает существенным набором ключевых критериев объяснения событий прошлого, но нужно и важно уметь правильно пользоваться имеющимся объяснительным инструментарием. С.А. Нефёдов как раз и выясняет возможности объяснения особенности российской истории на сегодняшнем уровне теоретико-методологического знания, прибегая к использованию вполне типических, на первый взгляд банальных, но не применявшихся доселе в отечественной историографии в такой совокупности следующих факторов: демографического, технологического и географического.

Целесообразно предельно кратко пересказать, под каким углом зрения рассматривались данные факторы и механизм их воздействия на ход исторического процесса императорской России. Историография демографической теории развития человечества подразумевает особое внимание к основному постулату основателя теории Томаса Роберта Мальтуса: жесткая зависимость численности населения от средств существования. Данное положение было воспринято Давидом Рикардо, который включил его в свою теорию заработной платы, отметив при этом, что численность населения циклична, т.е. было введено понятие «демографические циклы». Немецкий экономист и историк Вильгельм Абель подтвердил на данных из истории стран и народов Европы, что эта теория работает.

Мальтузианско-рикардианская теория получила распространение среди представителей школы «Анналов». В 70–80-е гг. XX в. теория демографических циклов в своем развитии получила общее обозначение «неомальтузианство». Но качественно данную теорию обогатил Д. Голдстоун, который предложил рассматривать динамику населения структурно, а именно через такие категории, как «народ», «государство», «элита». Внутри этой взаимосвязанной и эволюционирующей структуры в истории происходит перераспределение ресурсов, что и обуславливает социальный климат в обществе, чреватый в том числе и социальными потрясениями или же структурными кризисами. Такой подход к рассмотрению действия демографического фактора позволяет обозначать данную теорию как «демографически-структурную». На современном этапе она развивается международной «клиодинамической группой», в состав которой входит и сам С.А. Нефёдов. Ученые этой группы выявили внутри демографических циклов несколько фаз: роста, сжатия и экосоциального кризиса. Сергей Александрович убежден, что демографический фактор репрезентативен в своем влиянии на ход исторического процесса только в увязке с другими движущими силами истории той или иной страны.

Препарируя ход исторического процесса методами демографически-структурной теории, необходимо учитывать развитие технических инноваций, главным образом – военно-технических. При осуществлении факторного анализа истории императорской России автор предлагает самым тщательным образом учитывать наработки И.М. Дьяконова и других историков в области

теории военно-технологического детерминизма. В тексте монографии верифицируются применительно к российской истории имперского периода идеи М. Робертса, суть которых заключается в том, что в ходе военной революции происходит перераспределение ресурсов в структуре «государство–элита–народ», что может вызывать и, как правило, вызывало социальную напряженность и трансформацию самой данной структуры. Конечно же, самые глобальные общественные трансформации – это аграрная и промышленная революции.

Географический фактор, по мнению автора работы, является постоянным и априори формообразующим, в изучаемый период он не поддается воздействию других факторов и малодинамичен. Географические условия задают некие базовые параметры, в рамках которых и осуществляется социодинамика, определяемая взаимодействием вышеозначенных факторов общественного развития.

Региональная несинхронность и неравномерность, порождаемая техническими революциями в Западной Европе, обуславливала догоняющую модернизацию в странах Восточной Европы, включая Россию. Происходила она посредством разнообразных диффузий, но не путем прямолинейной вестернизации. Это касается и России, которая исторически как бы застрахована от завоеваний, и вместо вестернизации здесь имеет место некий синтез новаций и традиций, мощно влияющий на социокультурный облик триединой структуры «государство–элита–народ». Теории диффузионных и культурных кругов вполне метрологически приемлемы как для понимания глобального исторического процесса, так и для объяснения той или иной региональной и национально-государственной специфики. Они, синтезируясь с демографически-структурной теорией, восполняют ее объяснительные «пробелы».

С.А. Нефёдов не изобрел данную теорию, но важно другое: он ею воспользовался, проверил ее трактовочный потенциал. Именно данная трехфакторная модель верифицировалась громадным конкретно-историческим материалом со строгим соблюдением хронологической подачи. В этой связи автору удалось соблюсти меру в социологизации богатого эмпирического материала, и, как следствие, научный труд под названием «История Российской империи: факторный анализ» вполне можно рассматривать как учебник для пытливых умов. Конечно же, в большей степени это социально-экономическая история, описывающая и объясняющая цивилизационную трёхсотлетнюю траекторию Российской империи. Кстати, при чтении книги ни разу не сработал стереотип мыслить империю со времени Петра I. Период восстановления экономики, крестьянского «золотого века», начавшийся после Смуты, вполне вписывается в предлагаемую логику имперского развития нашего государства. В контексте тех признаков классических демографически-структурных циклов, которые обнаружил автор, логичными и исторически естественными – вне набивших оскомину негативных коннотаций – воспринимаются такие явления, как закрепощение, колонизация окраин, абсолютизм и другие функционально необходимые исторические состояния. Парадоксальность их в российской истории подчас

состояла в том, что, к примеру, от крепостного права было сложнее отказаться, чем его трансформировать, но в рамках преодоления технологического отставания государство вынуждено было прибегнуть к радикальному шагу. Благодаря интерпретации истории Российской империи сквозь призму трехфакторного анализа многие явления убедительно предстали как *российские* феномены эволюционно-революционного процесса, например место и роль в нем российской интеллигенции.

Сквозная идея всей книги – это представление о крестьянстве как основном акторе исторического процесса. Кульминацией этой идеи, результирующим обобщением роли крестьянства в российском историческом процессе видится приятие и развитие исследователем концепции крестьянской природы революционных событий начала XX в. Характер и пределы диффузий в России обуславливались позицией крестьянства. Понятие «народ» невольно ассоциируется, если даже не отождествляется, с крестьянством. Между тем крестьянство как таковое презентуется автором недостаточно. На страницах книги это гигантское историческое явление выглядит как относительно пассивный объект воздействия детерминирующих факторов. А ведь крестьянство за счет своего особого механизма хозяйствования и, как следствие, особой социальности само по себе способно редуцировать исторический процесс. Подчеркивание характерологической роли именно крестьянства в революциях, завершивших имперский период российской истории, представляется как-то не преемственным что ли, не вытекающим из общей железной логики книги. В итоге складывается впечатление, что и в данном исследовании русский крестьянин остается «великим незнакомцем»¹.

Опираясь на множество фундаментальных теоретических трудов разных эпох, автор монографии сумел избежать как теоретико-методологического эклектизма, так и соблазна предписать задним числом историческому процессу логику должностования в соответствии с предъявленной историко-философской теорией. Последняя для него, как и полагается в *настоящем* историческом исследовании, составляет лишь теоретическую гипотезу, постоянно и непредвзято проверяемую на достоверность тщательным описанием исторических фактов и результатов эмпирических исследований. Методология монографии – это не «голое» следование определенным теоретическим установкам, но выбор адекватных методов и способов выявления исторических смыслов. Что и требует науковедение и, соответственно, взгляд на историю как научную дисциплину. Смело можно утверждать, труд С.А. Нефёдова – это историософская заявка на осмысление объективных закономерностей *особой* истории Российской империи. Да-да, тех самых объективных закономерностей, анализ которых позволял бы решать очень непростую задачу *концептуализации* этой истории, не впадая при этом в вульгарный прогрессизм.

Приходится констатировать, что в историческом обществе существует неудовлетворенная потребность в обобщающем научном труде, объясняющем нашу историю с цивилизационных позиций. Нельзя сказать, что таковых трудов в постсоветской исторической науке

нет. Однако отечественная историография пока только лишь приближается к такому состоянию, каким она могла похвастать в свое время – когда этот жанр по своему исчерпали С.М. Соловьёв и В.О. Ключевский. На уровне монографий с учетом богатой советской историографии практически все специальные аспекты, в частности истории Российской империи, эмпирически изучены, и элементы вербальной мозаики того, как оно было на самом деле, уже поврозь наличествуют. С.А. Нефёдов принадлежит к числу тех, чье сознание уже естественным образом не может не гармонизировать каким-то способом богатейшее историографическое наследие. Всякое историософское исследование обобщающего свойства подразумевает не нагромождение фактов и событий, а поиск внутреннего единства этих фактов и при этом постижения их специфики. Такое состояние описывал корифей отечественной науки Михаил Николаевич Тихомиров: «...Историческая правда никогда не лежит готовенькой для употребления. В расфасованном и упакованном виде она не выдается. До правды нужно доработаться. До-ра-бо-тать-ся» (цит. по: [4. С. 19]). Эмпирический материал в силу громадности элементной базы должен целено зазвучать, что возможно только при том условии, если он будет базироваться на адекватной методологии.

Обращает на себя внимание следующая особенность рецензируемого научного труда. К сегодняшнему дню императорская Россия досконально изучена на уровне специальных, порою узких тем, действительно в части отдельной проблематики по относительно коротким историческим периодам можно сформировать конкретное понимание того, как оно было на самом деле. Однако в массе своей эти достойные к дальнейшему интегрированию в научный оборот эмпирические исследования выпадают в осадок. «Сшить» из всего объема исследовательского материала не лоскутную или же не тенденциозную, а цельную, теоретически стройную картину прошлого – удел отчаянных опытейших историков, к каковым, безусловно, автор книги относится. Способность его филигранно обращаться с историографическим материалом облегчают читателю, будь то специалист-историк или же любитель, продуктивное восприятие как на эмоциональном, так и на смысловом плане. Вместе с тем так уж получается, что масштабные тексты оказываются с издательскими погрешностями, которые при переизданиях, как правило, выправляются. Не лишена таких нечаянных издержек и рецензируемая книга. Заметим, фор-

мальности ради, как пример, на страницах 32–34 дублируется текст.

Книга С.А. Нефёдова при всем том, что текст практически не содержит рассуждений о столь актуальном ныне цивилизационном взгляде на историю России, вносит колоссальный контекстный вклад в понимание исторической России как государства-цивилизации, ибо объясняет логику исторического процесса объективными закономерностями. Она лишена излишней социологизации. Никаких сомнений не возникает в том, что в истории значимые социально-экономические и политические изменения происходят благодаря одушевленным силам. Не редукция божественного промысла или же бездушных производительных сил, а человек – субъект, творец истории. По прочтении книги возникает устойчивое ощущение, что Российская империя – не такая уж фатально расколота надвое в социокультурном отношении, то есть не категорически толпо-элитарная. Формула «государство–элита–народ» как некая равнодействующая множества факторно-обусловленных индивидуальных устремлений и сознательных действий является своеобразным демиургом имперского российского прошлого, да и настоящего. Опять же, оговоримся, – это субъективное восприятие содержания книги и некоторое домысливание. Ибо, как и в случае с крестьянством как социокультурным феноменом, относительно цивилизационного подхода складывается ощущение некоторой недосказанности. Ну это так, к слову, ибо прочтение книги имеет пролонгированный эффект. Наверное, многое в современной комбинации «государство–элита–народ» еще предстоит «умом понять», вербализировать, прежде чем наше будущее станет предсказуемо устойчивым и вера в него не будет мистической. То есть нам нужно ретроспективное понимание истории, чтобы перспектива не казалась туманной. Из чего и как преемственно оно должно образовываться, применительно к имперскому периоду Н.А. Нефёдов описал и объяснил, просто и доступно презентовав как исторический опыт, тем самым удовлетворив пока еще только в который раз в нашей истории формирующуюся общественную потребность. Как бы высокопарно ни звучало, это должно дать плоды в виде теории о России как государстве-цивилизации, а иначе нам в очередной раз реагировать на исторический вызов вслепую. В общем все, до чего до-ра-бо-тал-ся Сергей Александрович Нефёдов, обязательно к учету при осмыслении истории России.

Примечание

¹ Сборник хрестоматийных текстов под названием “*Peasants and Peasant Societies. Selected Readings*” был впервые издан на английском языке в 1971 г., и к 1992 г. он был переиздан семь раз, все время увеличиваясь в объеме. Перевод на русский язык этой книги ее составители (и авторы) Т. Шанин и В.П. Данилов решили назвать «Великий незнакомец» (см.: [3]), чтобы подчеркнуть недооценку крестьянского фактора советскими историками России как следствие идеологического давления. Кажется, проблема продолжает оставаться актуальной, хотя рецензируемый труд С.А. Нефёдова – явный признак того, что господству идеологии прогресса (как в советской, так и в антисоветской ее вариациях) приходит конец.

Список источников

1. Нефёдов С.А. История Российской империи : факторный анализ. Ереван : Fortis Press, 2024. 610 с.
2. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1989. 175 с.
3. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А.В. Гордона; пер. с англ.: С.А. Белов и др. М. : Прогресс – Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
4. Поляков Ю.А. Корифеи отечественной исторической науки : воспоминания. М. : Ун-т академического образования, 1997. 78 с.

References

1. Nefedov, S.A. (2024) *Istoriya Rossiyskoy imperii: faktornyy analiz* [History of the Russian Empire: Factor Analysis]. Yerevan: Fortis Press.
2. Mogilnitskiy, B.G. (1989) *Vvedenie v metodologiyu istorii* [Introduction to the Methodology of History]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Gordon, A.V. (ed.) (1992) *Velikiy neznakomets: krest'yane i fermery v sovremennom mire* [The Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World: A Reader]. Translated from English by S.A. Belov et al. Moscow: Progress – Progress-Akademiya.
4. Polyakov, Yu.A. (1997) *Korifei otechestvennoy istoricheskoy nauki: vospominaniya* [The Luminaries of National Historical Science: Memoirs]. Moscow: Universitet akademicheskogo obrazovaniya.

Сведения об авторе:

Толстов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, доцент историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: shpakras@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tolstov Sergey I. – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shpakras@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025; принята к публикации 15.11.2025

The article was submitted 14.10.2025; accepted for publication 15.11.2025